

В поисках героики

«Оптимистическая трагедия» В. Вишневого и «Первый гром» С. Головановского — разные произведения — и по своему жизненному материалу, и по средствам художественного выражения. Десятилетия разделяют описанные в них события. В пьесах действуют люди различных эпох и несхожих судеб. Неодинаковы и эстетические принципы, которыми руководствовались драматурги. В. Вишневский смело ломал привычные драматургические формы, не только увлеченно воспевавший революционный подвиг современников, а и сам действовал как новатор в литературе. Иной творческий замысел у С. Головановского, воплощенного реальные исторические коллизии в форме традиционной драматической поэмы.

И все же эти пьесы роднит одна общая черта — их героическое начало. И в первом, и во втором случае раскрывается природа и мотивы человеческого героизма, будь то последовательные борцы за великое дело Октября, какой выступает в «Оптимистической трагедии» женщина-комиссар, или трагически заблуждающиеся рыцари «Народной воли», какими показаны в «Первом громе» Желябов, Перовская, Кибальчич.

В поисках героической темы и обратился Черновицкий театр к этим, скажем сразу же, — не очень-то легким для постановки пьесам.

Что свойственно драматургии В. Вишневого? Романтическое звучание. Можно по-разному прочитать и сценически воспроизвести его необычные взрывчатые пьесы. Но как бы их ни ставить — высокая волнующая патетика должна жить на театральных подмостках, иначе пропадет авторская специфика.

К созданию романтического зрелища и стремились в Черновицком театре. Спектакль воздействует на зрителя не только своей темпераментной публицистикой, а и могучей эмоциональной силой, страстностью. Прежде всего в нем активно живет и действует масса. А это — очень важно при постановке пьес В. Вишневого, своеобразно решавшего свои творческие задачи и выражавшего идею произведения не столько через главных героев, сколько через выразительно очерченную, живую, яркую, полнокровную массу.

В спектакле масса не только фигурирует, а живет в полном смысле этого слова. В этом — бесспорная заслуга постановщика Б. Борина. В содружестве с художником А. Плаксем, который создал лаконичные, суровые, как и сами изображаемые события, декорации, режиссер умело спланировал и организовал народные сцены. Они воспринимаются не как пассивный фон, не как заурядные массовки, а как органические, при этом весьма важные элементы сценического действия. Не все, однако, сделанное в этом направлении, — удачно. Картина, рисующая прощание родных с отправляющимися на фронт моряками, представляется нам несколько сентиментальной и, следовательно, не соответствует духу пьесы.

Есть в спектакле настоящие актерские удачи. Сложная роль матроса Алексея дает актеру богатый, выигранный материал, но трудна. Тонким и чутким художником показал себя исполнитель этой роли. Ю. Величко — актер романтического плана (с которым мы встречаемся и в «Первом громе», где он играет Желябова). Он изображает человека трудного характера и сложной судьбы. Ю. Величко, прежде всего, стремился показать, как Алексей постепенно высвобождается от губительного влияния «анархической вольницы», как он, ломая себя, свои привычки, навыки, представления, — переходил на позиции революционной сознательности, и из подручного вожака анархической группы превратился в единомышленника и соратника большевистского комиссара. Актер убедительно раскрывает борения души матроса.

У вожака анархистов, роль которого исполняет П. Захаров, есть

На спектаклях Черновицкого театра имени О. Кобылянской

все от драматургического первоисточника — внешняя грубая сила, бесшабашность, самодурство. Хорошо подходят для образа внешние данные актера. Они позволили показать вожака таким верзилкой, кому подчиняются больше из страха, нежели из симпатий. Удачно найдена деталь: вожак у П. Захарова порой как бы захлебывается от злобы, кажется, что он хочет изрыгнуть самые страшные проклятия, но ограничивается лишь красноречивой бессловесной мимикой.

Весьма колоритным вышел образ Сиплого — и по внешнему рисунку, и по своим внутренним качествам. П. Столяренко-Муратову вполне удалось обнажить всю неприглядность этого человеческого отребья, нечистоплотного и морально, и физически, предателя друзей и предателя родины. Сочно сыграна эпизодическая роль атамана анархического пополнения актером П. Михневичем.

Можно было бы назвать другие, более или менее удачно сыгранные роли. Но нам хочется указать на один недостаток, чувствительно влияющий на звучание спектакля. Все, что делает комиссар в изображении Г. Янушевич — вполне достоверно с точки зрения житейской обыденности. И все же образа комиссара именно из пьесы В. Вишневого — мы не ощутили. Почему? Потому, думается, что артистка в этой явно романтической роли предпочла бытовые интонации. Образу не хватает той страстности, экспрессии, внутреннего огня, что составляет душу роли. Слишком уж спокойна и рассудительна комиссар для воспринятой на сцене грозовой атмосферы.

«Оптимистическая трагедия» построена как бы по контрасту. Грубому вожаку анархистов противопоставлена сильная духом, несокрушимой убежденностью женщина-комиссар. Необузданную стихию побеждает организованная сила. А это на сцене не всегда чувствуется. Постановка давно не чудшей пьесы В. Вишневого принималась бы с большим интересом, если бы все происходящее на театральных подмостках имело одинаково высокий накал. К сожалению, спектакль во многом проходит, так сказать, при недостаточной температуре.

Новую пьесу С. Головановского «Первый гром» Черновицкий театр (способствовавший сценическому рождению и ряда других произведений) поставил первым.

«Первый гром» — не историческая хроника о «Народной воле», а пьеса из жизни народовольцев — организаторов известного покушения на Александра II в марте 1881 года. Задавшись целью раскрыть трагические противоречия в деятельности отважных террористов, драматург позволил себе отойти от исторической точности, сместил некоторые реальные факты во времени, в месте действия и в жизненных обстоятельствах. В «Первом громе» не столько проследивается фактический ход событий, сколько раскрывается судьба людей, субъективно преданных народу, а объективно далеких от него, не понимавших закономерностей общественного развития. Но их самоотверженность и моральная красота достойны почитания. Об этом и говорит драматическая поэма С. Головановского.

Постановщик спектакля Е. Степанов правильно сделал, сократив места, не помогающие движению сюжета, развитию характеров, созданию необходимой атмосферы. От этого пьеса стала компактней. Явственнее обозначился главный драматический конфликт — столкновение между возвышенностью и целесообразностью подвига.

Драматические поэмы не очень-то охотно ставятся некоторыми нашими театрами, видимо, потому, что утрачены романтические тра-

диции. А ведь этот жанр в украинской советской драматургии развивается весьма активно. Тем больше чести Черновицкому театру, что он взялся за сценическое воспроизведение стихотворной пьесы.

Пьеса как действенное повествование начинается, собственно говоря, с того момента, когда за кулисами раздается гром взорвавшейся бомбы, брошенной в царя народовольцем Рысаковым. Сцена последующего посещения Софьей Перовской случайно арестованного Желябова — одна из наиболее удавшихся и у драматурга, и у театра. В ней превосходен исполнитель роли Желябова Ю. Величко. Актер еще раз показал, что ему по плечу романтические роли, что он в состоянии передать кипение страстей увлеченных, самоотверженных, одержимых натур. Такого плана актеров не часто встречаешь в театре, и зрителю было приятно увидеть исполнителя, привлекающего внимание не ходульной наигранностью, а горением неподдельных чувств.

Счастливым избежал шаблона и В. Сокирко в роли прокурора судебной палаты Муравьева. Его Муравьев — не тупой царский са-трап, а враг — мыслящий, анализирующий и, следовательно, более опасный. Работа В. Сокирко заслуживает похвалы и потому, что мы видим на сцене не должностное лицо, а человеческий характер, что и должно быть предметом изображения в искусстве и что, к сожалению, часто забывается драматургами и театрами.

Трудную роль Рысакова вполне приемлемо проводит А. Пономаренко. В распоряжении исполнителя роли Кибальчича Н. Беляева не оказалось много материала. Герой самостоятельно не действует, а несет чисто служебную функцию как производитель бомб — и только. А жалкая Ярная фигура талантливого сына украинского народа Николая Кибальчича, являвшегося одновременно и пламенным борцом с царизмом, и выдающимся изобретателем, заслуживала большего внимания драматурга.

Умелым, хотя и скучным на сценические краски актером показал себя Ю. Козаковский в роли сенатора Фукса. Перед зрителем — царедворец обходительный, утонченно вежливый, но готовый карать, подавлять недовольных самым жестоким образом. Не вызывают возражений и эпизодические персонажи.

Вообще же хочется сказать, что мужские роли нашли в обоих спектаклях более ярких исполнителей, нежели женские. Во всяком случае, и в «Первом громе» центральный женский образ — Софья Перовская — не получил достаточно полного изображения. Хорошо показывает артистка В. Бесполова чувство достоинства героини в первой картине, когда генеральская дочь Перовская сталкивается в кулуарах театра с людьми «своего круга»: Муравьевыми, Фуксом и другими представителями «света». Но последующие трагедийные сцены не были проведены с должным драматизмом и проникновенностью. Мы не призываем к поэтизации образов народовольцев (хотя в отношении Желябова это было сделано и драматургом, и театром), но незаурядную моральную силу Перовской хотелось бы чувствовать острее. Тут требовалось более глубокое проникновение в существо образа.

Неудачно, на наш взгляд, названные пьесы — «Первый гром». Это — поэтический символ. Но первым серьезным политическим потрясением для царизма были все же декабристы. Вообще же новая пьеса Савы Головановского — определенная удача писателя.

Спектакли Черновицкого театра показали, что коллектив хочет и может решать серьезные творческие задачи, не удовлетворяется так называемым ходким, облегченным репертуаром, стремится к воплощению большой героической темы.

Иосиф КИСЕЛЕВ.